

Научная статья

УДК 340.15

DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).221-230

EDN UXVHNN

Особенности правовой защиты нематериальных благ по «Великой Ясе» Чингисхана

Андрей Валерьевич Амагыров

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия
tengery90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7199-1142>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию особенностей правового регулирования личных неимущественных отношений в период становления монгольского государства. Автором проанализированы нормы степного уложения «Великая Яса» Чингисхана (монг. «Их Засаг»), как основного правового памятника того времени, отразившего специфические механизмы регулирования и охраны личных неимущественных отношений. В статье уделено отдельное внимание исследованию данного правового памятника, проводится подробный анализ существующих научных теорий о его происхождении и содержании. В частности, автор приходит к выводу о том, что «Великая Яса» включала в себя не только правовые предписания в чистом виде, но и иные положения, являясь ключевым правовым актом средневековой Монголии. В результате проведенного исследования автор делает, в частности, следующие выводы. Во-первых, в средневековом монгольском государстве уделялось значительное внимание правовой защите нематериальных благ. Правовые механизмы, предусмотренные нормами «Великой Ясы», соответствовали уровню развития монгольского государства того периода, а также были наделены характерными для периода Средневековья чертами. Во-вторых, защита прав личности в монгольском правопорядке была связана одновременно с охраной социального порядка, обеспечением интересов рода и устойчивости верховной власти. Нарушение субъективных прав конкретного лица было второстепенно. Автор также делает предположение, что «Великая Яса» в части регулирования личных неимущественных отношений содержала нормы и механизмы защиты публично-правового характера. В-третьих, среди нематериальных благ личности, которым предоставлялась защита, указываются такие ценности, как свобода, жизнь и честь. Отмечается правовое закрепление отдельных элементов проводимой государством политики веротерпимости. В-четвертых, правовой статус личности, наличие у него нематериальных благ и уровень их правовой защиты зависел от сословной и национальной принадлежности, должностного положения, пола, а также заслуг перед государством.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

личные блага, «Великая Яса» Чингисхана, «Их Засаг», монгольское государство, средневековая Монголия, личные неимущественные отношения, кочевое государство, обычное право

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Амагыров А.В. Особенности правовой защиты нематериальных благ по «Великой Ясе» Чингисхана / А.В. Амагыров. — DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).221-230. — EDN UXVHNN // Академический юридический журнал. — 2026. — Т. 27, № 2. — С. 221–230.

Original article

Features of legal protection of intangible benefits under the “Great Yasa” of Genghis Khan

Andrey V. Amagirov

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia
tengery90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7199-1142>

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the peculiarities of the legal regulation of personal non-property relations during the formation of the Mongolian state. First of all, the author analyzed the norms of the “Great Yasa” of Genghis Khan (mong. “Ikh Zasag”), as the main legal monument of that time. The article examines the specific mechanisms of regulation and protection of personal non-property relations. The author also pays special attention to the study of this legal monument, conducts a detailed analysis of existing scientific theories about its origin and content. In particular, the author comes to the conclusion that the “Great Yasa” included not only legal prescriptions in their pure form, but also other provisions, being a key legal act of medieval Mongolia.

© Амагыров А.В., 2026

As a result of the conducted research, the author draws, in particular, the following conclusions. Firstly, the medieval Mongolian state paid considerable attention to the legal protection of intangible assets. The legal mechanisms provided for by the norms of the “Great Yasa” corresponded to the level of development of the Mongolian state of that period, and were also endowed with features characteristic of the Medieval period. Secondly, the protection of individual rights in the Mongolian legal order was connected simultaneously with the protection of social order, ensuring the interests of the family and the stability of the supreme power. The violation of the subjective rights of a particular person was secondary. The author also suggests that the “Great Yasa”, in context of regulating personal non-property relations, contained norms and mechanisms of protection of a public legal nature. Thirdly, such values as freedom, life and honor were among the intangible benefits of the individual who were protected. The legal consolidation of certain elements of the state’s policy of religious tolerance is noted. Fourthly, the legal status of an individual, the availability of intangible assets for him/her and the level of their legal protection depended on class and nationality, official position, gender, as well as services to the state.

KEYWORDS

personal benefits, “Great Yasa” of Genghis Khan, Ikh Zasag, Mongol state, medieval Mongolia, personal non-property relations, nomadic state, customary law

FOR CITATION

Amagirov A.V. Features of Legal Protection of Intangible Benefits under the “Great Yasa” of Genghis Khan. *Akademicheskij juridicheskij zhurnal = Academic Law Journal*. 2026;27(2):221–230. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2026.27(2).221-230. EDN: UXVHHH.

Введение

Правовое регулирование личных неимущественных отношений в период становления монгольского государства составляет достаточно сложную проблематику в юридической науке. Во многом указанная сложность обусловлена особенностями средневекового монгольского права. При изучении вопросов происхождения права мы можем увидеть самостоятельные пути формирования двух правовых начал – публичного (выраженного через государственные установления) и частного права (отраженного в нормах обычного права) [1, с. 451].

Правовая система средневековой Монголии формировалась в условиях кочевого образа жизни и отражала специфические культурные, социальные и хозяйственные особенности монгольского общества. Она существенно отличалась от правовых порядков западных цивилизаций и не может быть адекватно описана исключительно с использованием категориального аппарата современной юридической науки. Современная правовая терминология лишь в ограниченной степени способна передать своеобразие правовых институтов и механизмов социального регулирования, существовавших в монгольском государстве XIII века, и тем более служить и тем более не может быть основой для прямых аналогий с понятиями и правовыми явлениями того периода.

Учитывая данное обстоятельство, подчеркнем, что такие понятия современной юридической науки, как «нематериальные блага», «правовая защита», «частное право», «публичное право», «честь» и др., используемые в статье, применяются условно и в исследовательских целях. Они не отождествляются с одноименными институтами современного

права и не предполагают их прямого переноса на правовую реальность эпохи Чингисхана. Указанные категории используются лишь как юридические конструкции, позволяющие отдаленно описать и систематизировать представления о защите личности, ее статусных ценностей, чести и социального положения, отраженные в положениях, приписываемых «Великой Ясе» Чингисхана, с учетом цивилизационной специфики кочевого общества и особенностей монгольского правового порядка.

«Великая Яса» Чингисхана (монг. *Ikh Zasag*) – один из наиболее значимых источников права средневековой Монголии. Изучению положений данного правового памятника посвящено множество как отечественных, так и зарубежных исследований. Но несмотря на значительный исследовательский интерес, «Великая Яса» Чингисхана по-прежнему остается источником, изучаемым преимущественно в контексте государственного устройства, военной организации и уголовно-правовых предписаний монгольского государства. В научной традиции внимание сосредоточено главным образом на ее роли как политико-правового регулятора и кодекса поведения кочевого общества. При всей обширности научного наследия, посвященного этому памятнику права, его потенциал как источника, регулирующего сферу личных неимущественных отношений, остается малоизученным.

Между тем «Великая Яса» Чингисхана закрепляет специфическое для кочевого общества понимание правового статуса личности и способов ее защиты. Эти нормы не только отражают особенности государственного устройства средневековой Монголии, но и демонстрируют оригинальные правовые механизмы защиты, характерные

для монгольской правовой системы того времени. Поскольку за период своего существования это государство оказало значительное влияние на государственный, общественный строй, а также на правовые системы многих народов мира, исследование особенностей защиты чести и иных нематериальных благ в этом контексте представляет самостоятельную ценность. Нематериальные блага, одновременно являясь компонентами правового статуса субъектов, также выступают в качестве неотъемлемых элементов правовой культуры.

В настоящей статье предпринимается попытка восполнить существующий пробел и изучить «Великую Ясу» в качестве источника права, предоставлявшего правовую защиту нематериальным благам, провести анализ положений, приписываемых рассматриваемому степному уложению, не через призму перечня охраняемых ценностей, что уже неоднократно становилось предметом научного анализа, а через исследование механизмов защиты личности и ценностей в контексте социальной организации кочевого общества и особенностей монгольской государственности.

Вопросы происхождения и содержания «Великой Ясы» Чингисхана

Распространенным в юридической литературе является понимание «Великой Ясы» как результата кодификации норм обычного права монголов, состоящей из ряда законодательных актов [2, с. 64]. Огромное значение этот свод установлений Чингисхана имеет для представителей евразийства, которые видят в нем форму выражения евразийского духа и чистую парадигму того, что можно назвать евразийским правом [3, с. 19]. Вместе с тем «продолжают оставаться дискуссионными вопросы названия, времени возникновения, структуры данного памятника средневекового монгольского права» [4, с. 66]. Следует также учитывать, что в чистом и неизменном виде его текст не дошел до наших дней, сохранившись лишь в виде отдельных фрагментов в работах таких исследователей, как Джувейни, Макризи, Рашид-ад-Дин и др.

Отсутствие четкого понимания понятия «Их засаг», а также достоверных источников о нормах «Великой Ясы» приводит современных исследователей к научным дискуссиям. Наиболее часто толкуемый в науке как «постановление» или «закон» [2, с. 64], термин «Великая Яса» (монг. Их засаг) мог использоваться и в других смысловых значениях. По мнению монгольского исследователя Ш. Чоймаа, слово *засаг* берет свое начало от *заса* (*засах*) – монг. упорядочивать, приводить в порядок [5, с. 284]. В тюркском толковом сло-

варе близкое к слову *йасак* имеет несколько толкований: 1. Запрет; 2. Порядок, закон; 3. Наказание; 4. Военное дело [6, с. 52]. Не имеющее существенного юридического значения, отсутствие точного наименования закона, в совокупности с недоступностью воспроизведения его текста, служат основой для споров о существовании «Великой Ясы», по крайней мере, в писаной форме [7, с. 58].

Само по себе словосочетание «Их засаг» впервые используется в труде Ала-ад-дина Малик Джувейни «История завоевателя мира» (1226–1283), который был основан на хоть и документальных, но косвенных источниках (судебных решениях и т.д.). Анализируя этот труд, можно сделать вывод, что автор самого сборника постановлений под названием «Их засаг» не видел, но при этом его текст, по мнению Д. Айлона, является единственным источником, содержащим сведения о рассматриваемом своде законов, поскольку работы последующих исследователей (Макризи (1364–1442) основаны на «Истории завоевателя мира» [8, с. 69]. Сам же Малик Джувейни, вероятнее всего, основывался при написании на том, что видел и слышал об «Их засаг» [4, с. 69].

Помимо «Истории завоевателя мира» Джувейни и «Отражения Египта» Макризи, в качестве основных источников *Их засаг* в гносеологическом смысле исследователями также признаются: «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина (1247–1318) [3, с. 20], ссылки «Уложения Монгольской династии Юань», ярлыки ханов Золотой Орды [9, с. 24] и т.д. Соответствующие сведения можно найти и в таких работах, как «История народа-лучника» Акнери Григора, «Юань-Ши» (*Юань улсын судар* – История династии Юань), «История корейского государства Гуль», «Заметки изучения государства Иль-хана», «Сокровенное сказание монголов» [4, с. 78–81].

Из-за многообразия источников, содержащих информацию о нормах «Великой Ясы», в науке разработаны разрозненные, а зачастую прямо противоречащие друг другу подходы к определению юридической природы степного уложения, раскрытию его содержания, к структурированию данного акта. В самом общем виде позиции исследователей, изучающих его, можно условно объединить в три основных направления, сложившихся в современной науке.

Первое направление представлено такими исследователями, как Бар-Эбрей, В.А. Рязановский, Г.В. Вернадский, Ш. Нацагдорж, Ч. Далай, Ц. Ишдоржа, И. Дашняма, Авирмэда, С. Наран Гэрэла, Ж. Амарсанаа, Д. Лундээжанцана,

Ж. Болдбаатара, Т. Монхжаргала, П. Рачневский, И. Рачевилтц, А.Н. Поляк, Н.Н. Березин и т.д. По мнению представителей данного направления, *Их засаг* содержит в себе правовые предписания, выраженные через свод законов (постановлений, указов хана) [10, с. 145; 11, с. 148; 12] или единый законодательный акт [13, с. 149]. Для них характерно разграничение положений, относимых к изречениям хана, и положений, являющихся по своей сути правовыми нормами. Именно последние, по мнению перечисленных ученых, составляют содержание *Их засаг*.

Иной позиции придерживаются представители второго направления (Д. Морган, Р. Вольфрум, Э. Хаара-Даван, Х. Намжил, Чигэ, Ч. Жугдэр, П.Н. Дудин, А.Г. Палкин и др.). Согласно их позиции в содержание *Их засаг* включены не только правовые предписания, но и иные социальные нормы (обычаи и традиции), а также изречения Чингисхана. По своей структуре *Их засаг*, по мнению этих исследователей, состояла из двух частей: *Засаг* – правовые нормы, установленные государством, и *Билик* – изречения Чингисхана [4, с. 97]. При этом для представителей данного направления характерно признание как части *Засаг*, так равным образом и части *Билик* регуляторами общественных отношений [9, с. 24]. Даже не единый по своему содержанию *Их засаг*, безусловно, является источником средневекового монгольского права. Показательна в этом смысле точка зрения Ф. Мухаметова, который пришел к выводу о том, что *Яса* и *Билик* как составные части *Их засаг* соотносятся между собой как материальное (*Яса*) и процессуальное (*Билик*) право [2, с. 70].

Коренным образом отличается точка зрения представителей третьего направления (П.С. Попов, Т.Д. Скрынникова, Ц. Минижин, Сайн), которые определяют *Их засаг* как сборник изречений, поучений, религиозных норм, норм морали и традиций, признанных общеобязательными, на основе которых в последующем регулировались общественные отношения. По мнению П.С. Попова, нормы «Великой Ясы» применялись в устной форме, в силу этого содержание законодательного акта получило искаженное отражение в сочинениях персидских, арабских историков [14, с. 151–152].

Каждое из указанных направлений имеет под собой научную основу и логические обоснования, однако, на наш взгляд, ввиду особенностей юридической техники у монголов в период Средневековья наиболее близкой к реальности является позиция второй группы исследователей. Не имеющий строгого деления на составные ча-

сти *Засаг* и *Билик*, *Их засаг*, скорее всего, включал в себя не только правовые предписания в чистом виде, но и положения, которые были связаны либо с обычным правом монголов, либо с изречениями Чингисхана, либо с нормами морали и нравственности того времени. Вместе с тем *Их засаг* или «Великая Яса» Чингисхана является ключевым правовым актом средневековой Монголии, вне зависимости от его формы выражения.

Вопросы, вызывающие научные дискуссии о названии акта, его источниках в гносеологическом смысле, моменте возникновения и структуре, на сегодняшний день разрешены быть не могут. Текст «Великой Ясы» Чингисхана не сохранился в оригинале и известен исключительно по фрагментарным упоминаниям в средневековых сочинениях, а также по более поздним научным реконструкциям. А значит, любые выводы о его содержании носят реконструктивный и дискуссионный характер и основываются не на едином нормативном тексте, а на совокупности свидетельств, интерпретаций и научных гипотез. В настоящем исследовании проводится разграничение между положениями, приписываемыми «Великой Ясе» на основании средневековых источников, и их интерпретациями в последующей историографической традиции. Упоминание норм «Великой Ясы» используется условно и не предполагает их однозначного и буквального содержания.

Учитывая вышеизложенное, приступим к изучению положений, непосредственно относящихся к регулированию личных неимущественных отношений.

Особенности правового регулирования личных неимущественных отношений, согласно нормам «Великой Ясы» Чингисхана

Защите нематериальных благ особого внимания в «Великой Ясе», насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, не уделялось. Институт нематериальных благ как взаимосогласованная совокупность норм, направленных на защиту личных неимущественных прав, отсутствовал. Аналогичные выводы делают исследователи и о гражданском праве в принципе [4, с. 103]. Однако некоторые положения, относимые авторами к части *Билик*, а также положения, приписываемые авторами «Великой Ясе», прямо или косвенно свидетельствуют о том, что защита свободы, жизни, чести, а также иных нематериальных благ была известна средневековому монгольскому праву. При этом не следует забывать о том, что *Их засаг* не пресекал действие норм обычного права (по крайней мере, сведения о таких слу-

чаях отсутствуют) и, безусловно, не мог служить единственным и универсальным регулятором общественных отношений в средневековой Монголии, поскольку регламентировал лишь отдельные моменты общественной жизни. А потому незначительное количество норм, приписываемых «Великой Ясе» и регулировавших личные неимущественные отношения, вероятнее всего, дополнялось существующими в согласовании с ними правовыми обычаями.

На основе сохранившихся свидетельств о нормах «Великой Ясы» можно сделать вывод о том, что наиболее важным объектом, которому предоставлялась правовая защита, выступала свобода. Данное нематериальное благо в средневековом монгольском государстве одновременно являлось условием признания лица в качестве участника правового отношения и было связано с тем, что в современной науке принято обозначать терминами «правоспособность» и «дееспособность», а также, что более важно для нашего исследования, с возможностью обладания иными нематериальными благами.

Отсутствие свободы было связано со специфическими формами личной зависимости, существовавшими в средневековой Монголии, которые условно будут обозначены здесь как «рабство». На основе реконструируемых исследователями положений «Ясы» можно сделать вывод о том, что отдельные права лично зависимого населения все же подлежали защите со стороны государства.

Помимо традиционных источников рабства — рождения (когда оба родителя относились к категории рабов), плена, — нормам «Ясы» был известен и другой источник рабства. Рабами могли становиться дети, чьи родители не смогли уплатить десятикратный штраф за кражу лошади. Вероятнее всего, данное положение могло применяться по аналогии и к другим имущественным преступлениям. Следует учитывать, что данное правило не распространялось на титульную нацию средневековой Монголии — монголов. Согласно сведениям, сохранившимся в положениях *Их засаг*, никто из подданных Империи не был наделен правом иметь монгола в качестве раба.

Достаточно строго регламентировалась ответственность рабов. Помимо положений «Ясы», закрепляющих ответственность всех субъектов вне зависимости от их происхождения, в отношении данной категории населения действовали специальные нормы, предусматривающие самостоятельные составы преступления. Как правило, рабы не рассматривались в средневековом монгольском праве в качестве единственных субъектов престу-

пления. Нередко наказание за противоправное деяние предусматривалось не только и не столько в отношении раба, сколько в отношении их хозяев, а также лиц, причастных к совершению преступления. Наказание при этом устанавливалось одинаковое как для раба, так и для иных субъектов. За кражу, совершенную рабом, вместе с ним к смертной казни приговаривались их собственники, у которых также изымались жены, скот и иное имущество. Аналогичную ответственность несли лица, связанные с данным проступком. Строгость наказания за совершение подобного преступления, вероятнее всего, была связана с личной ответственностью хозяина, который, получив раба, помимо прав на него, также брал на себя обязанность обеспечить правомерность его действий и ответственность за них. Другим примером является положение, закрепляющее наказание за побег раба. Помимо непривычного для земледельческого общества наказания за данное преступление для раба в виде смертной казни, такому же наказанию подвергались лица, которые их прятали [11].

Несмотря на наличие строгой ответственности за совершение преступлений, в рамках имущественных отношений рабы обладали специфическими для средневекового общества правами. Об этом свидетельствуют две правовые нормы, которые, по мнению Сайшиял, входили в состав *Их засаг*. Во-первых, в случае отсутствия иных наследников имущество собственника могло перейти по наследству его рабам. Наличие подобного правила поведения свидетельствует об определенной юридической сложности категории «раб», которая использовалась средневековым монгольским законодателем. Не имевшие личной свободы, рабы при этом могли быть имущественно обособленными субъектами. Во-вторых, в ситуациях, когда рабы выносили тело убитого хозяина с поля боя, скот и иное имущество (вероятнее всего, бывшее при нем) необходимо было передать в собственность им [15, с. 180]. Подобные выводы мы можем увидеть и в работе Рязановского. Вероятнее всего, закрепление подобных положений могло быть связано с религиозными и морально-нравственными представлениями монголов.

Схожим с правовым положением рабов был правовой статус плененных. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в труде Джувейни отрывки «Великой Ясы», закрепляющие одинаковую ответственность за одни и те же деяния, к примеру побег [11]. Помимо них, к аналогичной ответственности привлекались также лица, нашедшие пленника и не возвратившие его хозяину. Однако правовой статус пленника не предполагал признание за ним каких-

либо имущественных прав. В отношении пленных действовал ряд специальных норм, с одной стороны, гарантирующих им определенную юридическую защиту, а с другой — препятствующих их фактическому побегу. Так, под угрозой смертной казни был запрещен самосуд над пленными [15, с. 178]. Их дела подлежали рассмотрению при строгом соблюдении всех процессуальных аспектов, закрепленных в «Великой Ясе». Содержательно разрешение указанных дел не отличалось от аналогичных дел, существующих в отношении населения средневековой Монголии. При этом предусматривалась смертная казнь за предоставление пленному еды или одежды без согласия пленивших.

Следует обратить внимание на то, что наличие свободы в средневековом монгольском обществе определялось и семейным положением субъекта. Практически все источники о «Великой Ясе» свидетельствуют, что женщины и дети могли быть значительно ограничены в своих правах. На основе сохранившихся реконструкций норм средневекового монгольского права можно отметить ряд интересующих нас моментов. Во-первых, наиболее распространенным порядком заключения брака был калымный брак, в основе которого лежал договор между родителями жениха и невесты [4, с. 126]. Во-вторых, имеются факты, подтверждающие наличие возможности преподношения дочери или жены в дар [6, с. 169]. В-третьих, в средневековом монгольском обществе существовал институт многоженства [15, с. 181].

Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что женщина рассматривалась не только в качестве субъекта правовых отношений, но иногда могла выступать и их объектом. Несмотря на закрепленную имущественную самостоятельность женщины в браке, «в условиях постоянных междоусобиц гибель отца приводила к тому, что женщина и малолетние дети не могли самостоятельно отстоять свою свободу и независимость, сохранить стадо, как основу своей экономической самостоятельности» [4, с. 129]. А потому их правовое положение во многом зависело от наличия у них мужа или отца. Указанное подтверждается, в частности, существованием норм, предусматривающих обязанность передачи вместе с имуществом жены и детей в качестве наказания за совершение преступления. К примеру, такая дополнительная мера ответственности предусматривалась за совершение кражи, в том числе конокрадство и хищение, совершенное рабом [15, с. 181–182].

Аналогичные умозаключения можно сделать при изучении других положений «Ясы», так или

иначе затрагивающих правовой статус женщин или детей. К примеру, если тело убитого с поля боя вынес человек, не являющийся рабом, то жену, слуг, скот и имущество покойного следовало отдать этому человеку. Помимо этого, женам было запрещено перечить своим мужьям и следовало признавать веления мужа.

Одним из первых объектов, которому предоставлялась правовая защита в монгольском государстве, была жизнь. Исследуя имеющиеся сведения о нормах «Великой Ясы», можно сделать вывод о том, что наличие прав на это благо в средневековом монгольском праве признается не за всеми и не в равной степени. К субъектам, не наделенным правом на жизнь, относились в первую очередь рабы и пленники, поскольку главным условием наличия данного нематериального блага у человека была личная свобода. Правовой статус человека зависел от многих обстоятельств, в том числе возраста, пола, национальности, вероисповедания, принадлежности к родовой аристократии, должностного положения и предыдущих заслуг перед ханом.

В.А. Рязановский, опираясь на работы Маккризи, Вартана и Магакия, указывал на наличие норм, предусматривающих ответственность в виде смертной казни за убийство человека и рапунство, рассматривая их как нормы *Их засаг*. Магакий также отмечал, что нормы *Их засаг* требовали бережного отношения друг к другу, недопущение обмана, воровства, почтительное отношение к престарелым, бедным людям [16, с. 36]. Найденные исследователями положения можно назвать общей нормой, применявшейся ко всем субъектам за совершение убийства за редким исключением. Судя по всему, положения «Великой Ясы» действительно носили общеобязательный характер и распространяли свое действие на все население средневекового государства. При этом они предусматривали интересные процессуальные особенности привлечения к ответственности отдельных субъектов.

Самой привилегированной частью населения средневековой Монголии являлись представители правящей династии или члены золотого рода. Об этом мы можем говорить с достаточно высокой степенью достоверности, поскольку подобные моменты отмечаются в большинстве сохранившихся источников. Для привлечения их к ответственности требовалось соблюдение строгих формальных процедур, которые в отличие от общей нормы (к примеру, смертной казни за убийство) не всегда приводили к наказанию. В случае совершения проступка по «Великой Ясе» в первый

раз виновное лицо (*адалтан*) следовало наставить словом. За повторное преступление его следовало образумить красноречием. В случае нарушения норм *Их засаг* трижды виновное лицо ссылалось в отдаленное место – Балжин-Хулжир. Если и после возвращения из ссылки он продолжал нарушать нормы *Их засаг*, позволялось опустить его в земельную яму (аналог тюрьмы), надев кандалы. Осознавший свою вину представитель золотого рода после отбытия наказания мог вернуться домой. В противном случае степное уложение предписывало собрать всех родственников виновного и решить дальнейшую его судьбу [17, с. 49].

Особое правовое регулирование юридической ответственности устанавливалось и в отношении *тарханов* – лиц, которые имели заслуги перед ханом или государством. Одна из привилегий тарханов, согласно «Истории завоевателя мира» Джувейни, закреплялась в следующем – привлечение их к ответственности за нарушение норм *Их засаг* было возможно только с девятого раза. Усложненный порядок защиты также устанавливался и в отношении другой категории – *хешиктенов* (личной охраны хана). Обязательным условием привлечения данной категории к ответственности было личное согласие на то хана [4, с. 129].

На основе вышеуказанного можно сделать вывод о том, что характерная для государств в период их становления зависимость правового статуса лица от принадлежности к роду привела в средневековом монгольском обществе к формальному обособлению представителей одного рода – рода Чингисхана – и установлению в отношении их жизни специфических гарантий правовой защиты.

Необходимо отметить и наличие другой немаловажной закономерности, характерной практически для всех, в том числе современных, государств – закрепление особой правовой защиты представителей власти, имевших предшествующие заслуги перед ханом и государством, либо выполнявших наиболее важные с точки зрения правителя функции. На данном этапе развития монгольского государства в условиях, когда интересы хана во многом предопределяли и составляли интересы государства, а представители золотого рода одновременно являлись должностными лицами, еще невозможно с уверенностью говорить о смене родовых принципов предоставления правовой защиты на государственные, однако основания для таких выводов все же имеются.

Свобода вероисповедания – нематериальное благо, признание которого в качестве объекта правовой защиты нехарактерно для средневековых государств в целом и для средневековой Мон-

голии в частности. Вместе с тем, основываясь на сохранившихся свидетельствах, мы можем сделать вывод об относительно высокой степени веротерпимости (по сравнению прежде всего с западными цивилизациями XIII века), свойственной для монгольского общества того периода. Во-первых, «Яса» предписывала всем уважать всякое вероисповедание, не отдавая предпочтения ни одной из религий. Все это признавалось в качестве акта любви к богу [18, с. 135]. Во-вторых, старшие служители всех религий, ученики-послушники освобождались от обычной службы и всех налогов и поборов [15, с. 181]. Наличие подобных положений можно назвать закреплением идеи веротерпимости в качестве принципа государственной политики в отношении большинства верующих. Исключение составляли мусульмане. В отношении жизни мусульманина действовал достаточно низкий уровень правовой защиты. Под угрозой смертной казни также запрещалось забивать животных по мусульманским обычаям [15, с. 182].

Кроме того, очевидно, что отдельные положения «Ясы» имели под собой основу наиболее распространенного в средневековой Монголии вероисповедания – тенгеризма. Доказательствами могут служить сохранившиеся сведения о таких нормах, как запрет под угрозой смерти совершать омовения в речной воде, мочиться в воду и на пепел, перешагивать через огонь и еду, нормах, устанавливающих обязательный порядок забоя скота [9, с. 23]. При этом исследователи по-разному определяют причины появления данных положений. Правила, связанные с использованием открытой воды, объясняются важностью любых источников питьевой воды в условиях кочевого государства. Пепел служил источником соли. Запрет перешагивать через еду был связан с возможностью отравления. Однако сакральный характер подобных запретов никем не отрицается.

На наш взгляд, появление подобных правил поведения объясняется следующим образом. Изначально правила, характерные лишь для одного вероисповедания – шаманизма (уважительное отношение к огню и воде), в силу своей полезности в условиях кочевого образа жизни превратились в обычаи надрелигиозного характера. Впоследствии их сакральное происхождение утратило свое первостепенное значение, и они были санкционированы средневековым монгольским государством уже не как религиозные нормы, а как полезные обычаи, признанные всем обществом в целом.

Немаловажной составляющей правового статуса личности выступала честь, которая еще не отделялась от достоинства и деловой репутации.

В этом контексте интересно положение, известное нам из работ Аль Макризи: кто возьмет товар и обанкротится, потом опять возьмет товар и обанкротится, потом опять возьмет товар и обанкротится, того предать смерти после третьего раза [15, с. 181]. Сохранившиеся сведения о подобной норме «Великой Ясы» позволяют нам говорить не только о запрете мошенничества в этот период, но и о наличии особого количественного подхода к государственной оценке надежности торговцев.

Гарантии правовой защиты чести были предусмотрены рядом положений «Великой Ясы». Их можно условно подразделить в зависимости от функционального назначения на две группы. К общим гарантиям относились те, что были направлены на правовую охрану чести всех представителей средневекового монгольского общества и не находились в строгой зависимости от их происхождения, пола и должностного положения. Особенностью указанной группы гарантий является то, что они были сформулированы в качестве обязательных требований, адресованных неопределенному кругу лиц, и не предусматривали наказания. К ним можно отнести, в частности, следующие положения: пожилых надо уважать, бедных поддерживать; надо почитать святых и мудрых, мыслителей-созерцателей; надо непременно поддерживать и уважать людей не жестоких, честных, правдивых, соблюдающих порядок, глубоко образованных, талантом острых, надо брезгливо осуждать людей, не признающих порядок, свирепых, жестоких, немилосердных; лишаются уважения сыновья и дочери, не почитающие отца и мать, младшие, не почитающие старших, жены, не признающие веления мужей, подданные, не признающие повелителей [15, с. 180].

К группе специальных гарантий можно отнести нормы, направленные на защиту чести отдельных субъектов, наделенных особым правовым статусом, – женщин, представителей золотого рода, знатных людей и должностных лиц. Чести женщин, чей правовой статус, как отмечалось выше, в личных неимущественных отношениях был зависим от правового статуса мужа, отца или иного родственника по мужской линии, предоставлялись специфические гарантии правовой защиты. Помимо правовых предписаний, адресованных лицам мужского пола в отношении женщин (запрет на унижение достоинства нареченных жен, запрет приставать к чужой жене под угрозой смертной казни, запрет выгонять своих жен без причин), *Их засаг* также устанавливал требования к поведению женщин, к примеру, не сходиться с несосватанными парнями, запрет

женам на совершение распутных действий (наказание – смертная казнь) [15, с. 178, 181, 182]. Особые гарантии защиты чести нормами степного уложения предоставлялись первой жене.

Как отмечалось ранее, значительные процессуальные привилегии предоставлялись представителям золотого рода, дарханам и хешигтенам. В отношении данной категории лиц закреплялись особые гарантии защиты чести при исполнении наказания. В частности, исследователями подчеркивается [4, с. 140], что в средневековом монгольском государстве получили широкое распространение наказания, направленные не только на лишение жизни, но и на унижение чести (к примеру, волочение лошаадьми). Подобные меры были неприменимы к представителям золотого рода и иной знати. В отношении них действовало особое правило исполнения смертной казни – без пролития крови (закатывание в войлок, поединок, удушение). Это служило своеобразной гарантией защиты чести данных категорий лиц как представителей особого рода. Отдельная норма, связанная с защитой достоинства, устанавливала запрет под угрозой смертной казни на унижение и издевательства в отношении посланников и вестовых.

Непосредственно защите чести было посвящено также положение, предусматривающее ответственность в виде смертной казни за клевету. К сожалению, сохранившихся сведений о том, что понималось под данным деянием, не осталось. Исследователи небезосновательно связывают данное правонарушение только с распространением ложных сведений о совершении лицом противоправного посяательства. Наличие подобной нормы служило гарантией справедливого разбирательства дела. С другой стороны, возможность распространения данной нормы на иные ситуации тоже не исключается. Как правило, наказание за совершение данного деяния исполнялось путем закуривания камнями ротовой полости [4, с. 140].

Выводы

Резюмируя проведенное исследование особенностей правовой защиты нематериальных благ в период становления монгольского государства (по источникам «Великой Ясы» Чингисхана) можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в средневековом монгольском государстве значительное внимание уделялось регулированию и охране отношений, которые в современной юридической науке условно могут быть охарактеризованы как личные неимущественные. Карательно-охранительные механизмы, направленные на защиту личности и ее статусных ценно-

стей, реконструируемые на основе сохранившихся сведений о положениях, приписываемых *Их засаг*, соответствовали уровню социально-политического развития монгольского государства и отражали характерные для средневекового кочевого общества черты. Несмотря на архаичный характер данных механизмов, элементы процедурного порядка, отмеченные в работах исследователей монгольского права, по своей функциональной направленности сопоставимы с отдельными процессуальными гарантиями, известными современным правовым порядкам.

Во-вторых, защита личности в монгольском правовом порядке носила недифференцированный и синкретичный характер и не предполагала разграничения публичных и частных интересов в их современном понимании. Государственная реакция на посягательства на жизнь, честь и другие нематериальные блага личности была направлена одновременно на защиту личности, охрану социального порядка, обеспечение интересов рода и устойчивости верховной власти. Сведения, сохранившиеся о «Великой Ясе», позволяют говорить о том, что ее нормы устанавливали ответственность за те деяния, которые, в первую очередь, воспринимались как социально опасные и подрывающие основы общественного и государственного устройства. Нарушение субъективных прав конкретного лица было в этом кон-

тексте второстепенно. Данное обстоятельство позволяет сделать предположение, что «Великая Яса» в этой части содержала нормы и механизмы защиты публично-правового характера.

В-третьих, к числу статусных ценностей личности, охраняемых в рамках положений, приписываемых *Их засаг*, могут быть отнесены такие нематериальные блага, как жизнь, личная свобода, честь. Можно отметить и правовое закрепление отдельных элементов проводимой государством политики веротерпимости, которые были обусловлены поликонфессиональным характером монгольской империи. Защита указанных благ осуществлялась преимущественно посредством жестких карательных мер, включая смертную казнь. Вместе с тем устанавливались определенные материальные и процессуальные гарантии общего и специального характера.

В-четвертых, уровень предоставляемой субъектам правовой защиты находился в прямой зависимости от их социального положения, родовой принадлежности, пола, занимаемого положения и заслуг перед государством. Указанное свидетельствует о том, что защита отдельного нематериального блага в значительной степени отражала специфику социальной структуры и властных отношений в средневековом монгольском обществе и была неразрывно связана с особенностями правового статуса субъекта в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тумурова А.Т. О разграничении частного и публичного права в аспекте их генезиса / А.Т. Тумурова. – DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(4).448-456. – EDN EOTLAJ // Академический юридический журнал. – 2023. – Т. 24, № 4. – С. 448–456.
2. Мухаметов Ф.Ф. Яса Чингисхана и ее роль в монгольской правовой системе / Ф.Ф. Мухаметов // Евразийский журнал региональных и политических исследований. – 2006. – № 3. – С. 64–71.
3. Палкин А.Г. «Великая Яса» как древнейший источник евразийского права и великой степи (К 850-летию со дня рождения Чингисхана) / А.Г. Палкин // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической Академии. – 2012. – № 16. – С. 19–21.
4. Дугарова С.Ж. Историография монгольского государства и права (XIII – начало XIX в.). – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2016. – 332 с.
5. Чоймаа Ш. Монгол судлалын өгүүлүүд / Ш. Чоймаа. – Улаанбаатар : Монгол цааз хууль, 2003. – 304 х.
6. Минжин Ц. Их засаг. Түүх, эрх зүйн шинжилгээ / Ц. Минжин. – Улаанбаатар : Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 2009. – 286 х.
7. Комаров С.Ю. «Великая Яса» Чингисхана в исследованиях западных авторов / С.Ю. Комаров. – EDN WHPBUT // Вестник научных конференций. – 2016. – № 6-2(10). – С. 57–61.
8. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan a Reexamination. (Part A) / D. Ayalon // Studia Islamica. – 1971. – Vol. 33. – P. 97–140.
9. Дудин П.Н. Генезис монгольского права и его взаимодействие с китайским правом (XIII в. – начало XX в.) / П.Н. Дудин. – DOI 10.17323/2072-8166.2016.1.21.36. – EDN WXINMB // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 1. – С. 21–36.
10. Abul-Farac (B. Hebraeus). Chronography / Bar Hebraeus. – Leipzig, 1788. – 599 p.
11. Вернадский Г.В. О составе «Великой Ясы» Чингисхана : с прил. главы о «Ясе» из «Истории Джувейни» в пер. В.Ф. Минорского / Г.В. Вернадский // Studies in Russian dOriental History. – Bruxelles, 1938. – № 1. – P. 12–148.
12. De Rachewiltz I. Some reflections on Cinggis Quan's Jasai / I. De Rachewiltz // East Asian History. – 1993. – No. 6. – P. 91–104.

13. Poliak A.N. The Influence of Chingiz – Khans Yasa upon the General Organization of the Mamlük State / A.N. Poliak // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. – 1942. – Vol. 10. – P. 862 – 876.
14. Попов П.С. Яса Чингисхана и Уложение монгольской династии Юань-чао-дянь-цзянь / П.С. Попов. – Санкт-Петербург, 1916. – Т. 17, вып. 4. – С. 151–152.
15. Сайшиял. Сказание о Чингисхане / Сайшиял ; пер. со старомонгольского Норпола Очирова. – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2006. – 576 с.
16. Рязановский В.А. Обзор памятников монгольского права / В.А. Рязановский. – Улан-Баатар, 2000. – 44 с.
17. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / Рашид-ад-Дин. Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – Т. I. кн. 2. – 315 с.
18. Джувейни А. Чингисхан. История завоевателя мира / А. Джувейни. – Москва : Магистр-пресс, 2004. – 749 с.

REFERENCES

1. Tumurova A.T. The Distinction between Private and Public Law in Relation to Their Genesis. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2023, vol. 24, no. 4, pp. 448–456. (In Russian). EDN: EOTLAJ. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(4).448-456.
2. Mukhametov F.F. Genghis Khan's Yassa and its role in Mongolian legal system. *Evraziiskii zhurnal regional'nykh i politicheskikh issledovaniy = Eurasian Journal of Regional and Political Studies*, 2006, no. 3, pp. 64–71. (In Russian).
3. Palkin A.G. «The Great Yasa» as the oldest source of Eurasian Law and the Great Steppe (Dedicated to the 850th anniversary of Genghis Khan's birth). *Trudy Orenburgskogo Instituta (Filiala) Moskovskoi Gosudarstvennoi Yuridicheskoi Akademii = Proceedings of Orenburg Institute (Branch) of Moscow Juridical Academy*, 2012, no. 16, pp. 19–21. (In Russian).
4. Dugarova S.Zh. *Historiography of the Mongolian State and Law (13th – early 19th centuries)*. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2016. 332 p.
5. Choimaа Sh. *Articles on Mongolian studies*. Ulaanbaatar, Mongol tsaaz khuul' Publ., 2003. 304 p.
6. Minzhin Ts. The great castle. Historical and legal analysis. Ulaanbaatar, Mongol ulsyn shinzhlekh ukhaany akademiin tyukhiin khyrehlehn Publ., 2009. 286 p.
7. Komarov S.Yu. Genghis Khan's Great Yassa in Works of Western Researchers. *Vestnik nauchnykh konferentsiy = Bulletin of Scientific Conferences*, 2016, no. 6–2, pp. 57–61. (In Russian). EDN: WHPBUT.
8. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan a Reexamination. (Part A). *Studia Islamica*, 1971, vol. 33, pp. 97–140.
9. Dudin P.N. Genesis of Mongolian Law and its Interaction with Chinese Law (13th – Early 20th Centuries). *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2016, no. 1, pp. 21–36. (In Russian). EDN: WXINMB. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.1.21.36.
10. Abul-Farac (B. Hebraeus). *Chronography*. Leipzig, 1788. 599 p.
11. Vernadskii G.V. About the composition of the “Great Yasa” of Genghis Khan. *Studies in Russian and Oriental History*, Bruxelles, 1938, № 1, pp. 12–148. (In Russian).
12. De Rachewiltz I. Some Reflections on Cinggis Quan's Jasai. *East Asian History*, 1993, no. 6, pp. 91–104.
13. Poliak A.N. The Influence of Chingiz – Khans Yasa upon the General Organization of the Mamlük State. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 1942, vol. 10, pp. 862–876.
14. Попов П.С. *The Yasa of Genghis Khan and the Mongol Dynasty of Yuan-Chao-dian-tsan*. Saint Petersburg, 1916, vol. 17, iss. 4, pp. 151–152. (In Russian).
15. Saishiyal. *The Legend of Genghis Khan*. Ulan-Udeh, Respublikanskaya tipografiya Publ., 2006. 576 p.
16. Ryzanovskii V.A. *An overview of the monuments of Mongolian law*. Ulan-Baatar, 2000. 44 p.
17. Rashid-ad-Din. *Collection of Chronicles*. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952. Vol. 1, bk. 2. 315 p.
18. Dzhuveini A. *Genghis Khan. The story of the conqueror of the world*. Moscow, Magistr-press Publ., 2004. 749 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Валерьевич Амагыров – старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, заместитель директора по молодежной политике и воспитательной работе Института права и экономики. Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова. 670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 5. Researcher ID: A-5756-2015; SPIN-код: 7261-9788.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Amagirov – Senior Lecturer at the Department of Theory and History of Law and State, Deputy Director for Youth Policy and Educational Work of the Institute of Law and Economics. Dorzhi Banzarov Buryat State University. 5 Ranzhurova Str., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670000, Russia. Researcher ID: A-5756-2015; SPIN-code: 7261-9788.

Поступила в редакцию / Received 11.01.2026

Доработана после рецензирования / Revised 06.02.2026

Принята к публикации / Accepted 20.05.2026